

DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.3.10

УДК 94(495)

ББК 63.3(0)4-93

ПРОНИЯ В ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВИЗАНТИИ РАННЕПАЛЕОЛОГОВСКОГО ВРЕМЕНИ

*Часть 1*¹

Владимир Алексеевич Золотовский

Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и зарубежной истории,
Волгоградский государственный университет
zolotovskiy.azi@volsu.ru, adsi@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В рамках исследования раскрыта роль пронии в военной организации раннепалеологовского периода Византии. Конкретные случаи пожалования позволяют признать прониарство в Византии воинским институтом, связанным исключительно с представителями командного состава. Наделение прониями преимущественно служило заменой традиционного вознаграждения военачальников знатного происхождения. Держателями проний являлись не только ромеи-военачальники, но и наемники. Подобные пожалования позволяли сократить расходы императорской казны по прямым денежным выплатам. Даруемые в качестве вознаграждения или восполнения убытков, понесенных в результате исполнения служебных обязательств, пронии могли быть переданы и представителям низшего командного состава из числа стратиотов.

Ключевые слова: история Византии, раннепалеологовский период, военная организация, вооруженные силы, прония, стратиоты.

Одним из наиболее важных политико-экономических институтов поздней Византии, сыгравшим определенную роль, в том числе и в формировании специфики палеологовской военной организации, была прония. Проблема византийской пронии принадлежит к числу тем, наиболее разработанных в историографии². Тем не менее исследование этого института в большинстве работ направлено на рассмотре-

ние его экономической характеристики. Изучение же пронии в системе военной организации Византийской империи периода правления Палеологов приводило исследователей к отдельным частным замечаниям, в большей мере касающимся тенденций в генезисе системы социально-экономических отношений³.

В частности, в современной научной литературе устойчивый характер приняла концеп-

ция, согласно которой стратиотские формирования как боевая сила в палеологовский период были заменены на прониарское войско. Впервые эта идея была высказана П. Каранисом. Исследователь полагал, что прониарская служба, не имевшая феодальной природы, являлась позднейшим этапом эволюции стратиотской службы [37, р. 131]. Эта гипотеза была воспринята и переработана Л. Максимовичем. Придерживаясь мнения Г. Острогорского о развитии процесса феодализации Византии в поздний период, изучая особенности административной системы, исследователь выдвинул предположение о децентрализации системы управления, выраженной в фактической ликвидации фемной системы [5, с. 109]. Кроме того, определяя отличие компетенции кастрофилаксы и чауша, Л. Максимович предположил, что чауш командовал провинциальным войском, состоявшим из прониаров [5, с. 109].

Разрабатывая гипотезу Г. Острогорского, В.А. Сметанин и Н. Икономидис указали, что динамично развивающийся процесс феодализации империи вызвал переход от крестьянских к феодальным ополчениям (прониарским). В частности, по мнению В.А. Сметанина, это выразилось в переводе армии на прониарскую (исключительно феодального характера [14, с. 119]) основу и упразднении категорий военнотружущих стратиотов и акритов [14, с. 117–118]⁴. В своих рассуждениях о стратиотах, перешедших в разряд прониаров, Н. Икономидис обратился к известным данным византийских актовых материалов и подчеркнул обоснованность суждения о формировании в поздней Византии крупных коллективных и «малых проний», держатели которых в военно-техническом и юридическом отношении были последним звеном эволюции стратиотской службы [49, р. 367, 368].

Обобщение всех предшествовавших гипотез было произведено М. Бартусисом. В статье, посвященной изучению службы каваллариев, основываясь на известных науке данных актовых материалов, ученый пришел к выводу о тождественности статуса стратиотов и прониаров [32, р. 347]. Развивая свою гипотезу в другой работе, ученый указал, что простагма Михаила Палеолога разрешает пожалование пронии с посотис от 24 до 36 перперов по личному решению Михаила VIII и Андроника II *солдатам*,

проявившим доблесть в боях [28, S. 270–271]. Следует отметить, что в интерпретации текста простагмы мы можем согласиться с М. Бартусисом лишь по одному пункту, а именно: с признанием того, что упомянутые в документе икономии (пронии) с посотис от 24 до 36 перперов жаловались прониарам. В то же время хотелось подчеркнуть, что, придерживаясь понимания пронии как нефеодального института, автор дважды упомянул, что пожалование предназначалось *прониару-солдату* [28, S. 270–271].

Рассматривая вопрос о связи административной системы со способами комплектования поздневизантийской армии, вслед за Л. Максимовичем М. Бартусис указал, что фемы в палеологовский период сохранились исключительно для фискальных и гражданских административных целей. Военные функции фем перешли к великой аллагии, выступавшей как военное квазифемное образование [34, р. 194–195, 202].

М. Бартусис предложил два варианта понимания великой аллагии. Первый, который был наиболее близок автору, предполагал понимание великой аллагии в значении единственной и главной организационной формы поздневизантийской армии. В этом случае воины, составлявшие великую аллагию, а это, по мнению ученого, преимущественно прониары и наемники, получали в источниках наименование мегалоаллагитоты [34, р. 204].

В объемной статье «К проблеме солдат – держателей малых земельных участков в Поздней Византии» М. Бартусис приходит к выводу о том, что источники палеологовского времени сообщают о прониарах, а не о стратиотах или каких-либо иных категориях военнотружущих [30, р. 2–11]. В то же время упомянутая в источниках стратия понимается исследователем как рядовая повинность зависимых крестьян [30, р. 5, 6]. В монографии, посвященной поздневизантийской армии, обобщив свои предшествующие предположения, М. Бартусис указал на тождественность правового, военного и социального статуса стратиотов и прониаров, цаконцев [33, р. 164–169, 182–184, 186]. В этой связи необходимо отметить, что в одиннадцатой главе своей монографии автор подчеркнул, что стратиотские списки палеологовского периода являлись не чем иным, как списками прониаров [33, р. 238–239].

В новейшей монографии М. Бартусис поставил проблему раскрытия специфики эволюции института пронии с технической, преимущественно военной стороны [29]. Однако поставленной задачи исследователь не решил – прония была рассмотрена главным образом через свою административную природу. Вместе с тем основные выводы М. Бартусиса по теме пронии совпадают с заявленными им ранее⁵.

В заключение обзора историографии по вопросу отметим, что приведенные выше предположения были поддержаны и в новейшей литературе. И. Караянопулос, по известным нам данным и ряду положений работ Н. Икономидиса и М. Бартусиса, подтвердил мнение об эволюции стратиотской службы, замененной прониарской. При этом ученый повторил предположение о том, что посотис пронии и икономии составляли от 24 до 36 перперов [65, с. 21–23]. Кроме того, исследователь согласился с высказанным суждением о роли и характеристике аллагии и великой аллагии [65, с. 28–32].

Американский ученый Костис Смирлис, раскрывая проблему реорганизации налоговой системы в Византии после 1204 г., также затронул проблему пронии. Эволюцию института ученый рассматривал через выявленную им реформу налоговой системы. В частности, К. Смирлис отметил, что прония выражалась в праве сбора золотой монеты с крестьянского населения [62, р. 211]. Опираясь на традиционные актовые материалы, а также на изданный в 2007 г. документ «Арокоpe pсomιον», К. Смирлис приходит к выводу о том, что прония в XIII–XIV вв. была связана с денежными выплатами от каждого держателя земли в соответствии с налоговым бременем крестьян и домениальных земель [62, р. 214, 216]. Прония признана исследователем как важнейший институт военной организации [62, р. 217].

Следует отметить, что в проблему пронии не вносит ясности и новейшая работа обобщающего характера С. Кириакидиса. Прежде всего следует отметить, что С. Кириакидис не отмечает существование стратиотского ополчения в этот период времени [43, р. 75–99], что определенно свидетельствует о признании исследователем концепции замены стратиотов прониарами. По мнению С. Ки-

риакидиса, прония – это пожалование императором государственных налоговых прав на источник доходов отдельному воину-держателю или группе воинов, носившее условный характер [43, р. 75–76]. При этом исследователь отметил, что посредством пожалования проний фиск в той или иной степени компенсировал часть расходов на содержание солдата [43, р. 76].

Используемые нами данные актовых материалов и нарративных источников раннепалеологовского периода позволяют не согласиться с главенствующей в науке точкой зрения. Цель исследования – определить место пронии в военной организации раннепалеологовского периода Византии. Отметим, что хронологические параметры исследования ограничены правлением Михаила VIII и Андроника II с целью выявления эволюции функций пронии в условиях формирования нового содержания военной организации империи.

Прежде чем перейти к функциональной исключительно военной характеристике пронии, считаем возможным расставить акценты на некоторых приоритетных методических аспектах исследования по вопросам, выходящим за пределы нашего изыскания. Прежде всего отметим, что в своем изыскании мы будем отталкиваться от устоявшегося в новейшей литературе понимания пронии как пожалования налоговой квоты с земли (*πoσότῆς*), выделяемой при определенных обстоятельствах и на определенных условиях императором. Кроме того, мы поддерживаем мнение о том, что прония предполагала попечение над входившими в нее территориями [1, с. 191; 20, с. 51–52; 21, с. 221; 22, с. 17].

В некоторых грамотах термин прония употребляется в том же значении, что и другой вид пожалования – икономия [23, t. IV, n. III, р. 241; t. V, n. II, р. 89; n. XII, р. 107; n. XIV, р. 109]. Вполне вероятно, что эти два термина обозначали равные права на определенные категории земель. Как и пронии, икономии были императорским пожалованием⁶; и одна, и другая могли означать как обрабатываемые, так и необрабатываемые земли; положение населения в них было одинаковым; для пронии и икономии характерны определенные особенности, отличающие их в правовом отношении от «собственности»⁷.

В территории, обеспечивавшие пронию, представленные в грамотах XIII–XIV вв., довольно часто включали не только группы отдельных сельских земель, но и целые поселения [23, t. III, n. XXXVII, p. 173; n. XXXVIII, p. 174; t. IV, n. IV, p. 37; n. V, p. 236; t. VI, n. LXXXVI, p. 212]⁸. Селяне, обрабатывающие земельные участки, выплачивали прониарам определенные подати, часть из которых поступала в императорскую казну⁹, а часть служила доходом для прониара¹⁰. Кроме того, прониары были наделены определенными (административными и судебными) властными полномочиями над париками¹¹. В целом прониары являлись представителями власти и властных органов¹².

Итак, представленный нами обзор историографии темы явно указывает на то, что определение места пронию в военной организации невозможно без анализа проблемы сущности пронию и стратиотского владения, возможности их сравнения. Полагаем, что *главное отличие* пронию от воинского владения состояло в том, что первая жаловалась на определенный срок – жизни, службы или милости императора¹³. Кроме того, прониар не имел права продавать или передавать по наследству посотис.

Однако в историографии достаточно распространенным является предположение о *наследственном характере* пронию. Приводя в качестве аргументов сообщения ряда официальных документов и сообщение Пахимера¹⁴, авторы экстраполировали эти данные на институт пронию XIV–XV вв. [17, с. 300, 301; 21, p. 50]. В частности, Г.А. Острогорский полагал, что пронию постепенно превращалась в наследственное ленное владение, обладавшее полной экскусией от власти государства [11, с. 123; 54, p. 482].

Отечественные исследователи поддерживали точку зрения Г.А. Острогорского. В частности, Б.Т. Горянов, анализируя актовый материал палеологовского периода, пришел к выводу, что основной формой крупного светского феодального землевладения в поздней Византии были «пожалования на основе пронию, которая из условного и временного пожалования превращалась в наследственную, неограниченную собственность». Исследователь подчеркнул, что, по свидетельству

актов, прониары в позднее время наделялись широкими административно-судебными правами над зависимыми от них париками [2, с. 233]. Анализируя монастырские акты XIII в., М.А. Морозов приходит к мнению, что материал источников сообщает об эволюции пронию, проявившейся в ее трансформации *de facto* в безусловную наследственную собственность [7, с. 72–73, 76–77]¹⁵.

Полагаем, что редкие и частные указания документов о переводе пронию в наследственный статус не могут быть распространены на все пронию империи. Более того, очевидно, что при определении статуса пронию необходимо учитывать конкретные обстоятельства и условия ее перехода в наследственное состояние. Так, лишь по благоволению императорскому, оформленному в грамоте, пронию могли приобретать наследственный статус¹⁶. В некоторых случаях наделение пронию наследственным статусом было связано с определенными событиями, такими как, например, воцарение Михаила Палеолога¹⁷.

Другим существенным различием между прониями и воинскими владениями было то, что последние в большинстве случаев обрабатывались самими владельцами. В то же время доход от проний полностью зависел от труда населявших земли крестьян. Воины проживали на тех земельных участках, которые приносили им доход, прониар же имел возможность проживать вдали от земель, составляющих материальную основу права попечения, жалуемого ему на определенный срок¹⁸. Кроме того, земли, с которых определялся посотис, несколько отличались от воинских владений, поскольку помимо обрабатываемых земель в них могли быть включены промысловые угодья, пастбища, речные промыслы и т. д.¹⁹

То обстоятельство, что пронию воспринимается в историографии, с одной стороны, как феодал [4, с. 218–219; 19, с. 98–99; 55, p. 17], с другой – отождествляется с воинским владением, объясняется тем, что в отдельных случаях прониарями были военнослужащие. В этой связи некоторые исследователи придерживались точки зрения, что пронию жаловались исключительно из военных соображений [16, с. 22]²⁰ или же воинская служба была главной обязанностью прониаров [12,

с. 265; 29, р. 283–284; 43, р. 75–76; 60, р. 77; 62, р. 211]. Представляется необходимым более определенное раскрытие указанного аспекта проблемы.

Прежде чем делать выводы об исключительно воинском назначении прониарских владений, необходимо рассмотреть, какие именно воинские обязанности возлагались на прониара. Например, в латинской Европе воинские лены обязывали их владельцев лично служить или же предоставлять конкретное число вооруженных воинов²¹. В этой связи следует уточнить, была ли византийская прония связана с такими обязанностями. Немаловажным кажется вопрос о статусе прониара: был ли он воином и если нет, то возлагалась ли на него обязанность предоставлять вооруженные отряды.

Относительно вопроса об обязательной связи института пронии и личной воинской службы данные источников исключают ее абсолютный характер.

В раннепалеологовскую эпоху грамоты, в которых указаны пронии, немногочисленны, а сведения, которые они содержат, не вполне определены. Наиболее типичны три простатемы. В первой из них императорский служащий (οἰκεῖος τῆς βασιλείας μου) получил право на передачу по наследству дарованной ему икономии в окрестностях Сера. При этом за исключением неких возложенных обязанностей все финансовые имперские повинности должны были быть сняты [23, t. V, n. II, р. 89]. Во второй – «судья богохранимого войска» (κριτὴς τοῦ θεοφρουρήτου φοσβάτου) получил на таких же основаниях икономию в 1 000 модий, которая, как и у его наследников, объявлялась свободной от всех долгов и обязанностей²². В третьем случае некоему этериарху выдавалось наследственное право на икономию, при этом не были упомянуты какие-либо повинности, возлагаемые на ее владельца [23, t. V, n. XIV, р. 109]. Хотелось также заметить, что в грамоте не упомянуто служебное положение первого из прониаров. В то же время «судья богохранимого войска» не был ни воином, ни военачальником. Он являлся придворным чиновником из окружения императора, занимавшимся разрешением воинских споров и тяжб [59, р. 40¹⁵]²³. Таким же придворным чиновником, а не военнотружущим в палеоло-

говскую эпоху был и этериарх: его служба проходила при императорском дворе и заключалась в разрешении вопросов с чужеземцами, посланниками или беглецами [59, р. 35¹⁰, 36⁴, 42⁴]²⁴.

Современник рассматриваемых событий Пахимер повествует, что Андроник II в конце XIII в. предпринял пожалование проний помощникам (служащим), а также церквям и монастырям²⁵. Довольно сложно предположить, что указанные получатели могли быть военнотружущими. Этот же историк сообщает, что Михаил Палеолог, дабы отблагодарить за верность и поддержку в процессе получения власти (узурпацию императорских полномочий), увеличил пронии оказавшим ему помощь представителям знати²⁶. Подобное сообщение мы встречаем в труде Григоры в пассаже, посвященном *смутному времени* после смерти Андроника III: для привлечения патриарха на свою сторону против Кантакузина Алексей Апокавк предпринял массовые пожалования родственникам святейшей особы различных должностей и земель для *обеспечения жизни в довольствии и богатстве*²⁷. В этой связи не вызывает сомнения тот факт, что не все представители знати и родственники патриарха имели воинское звание, как и не все воины получали пронии²⁸.

Другой сюжет сочинения Григоры также вносит определенную ясность по рассматриваемому вопросу. После поражения при Пелекапе, как повествует историк, Андроник III выяснил причину, по которой на империю обрушился гнев Божий – «неурядицы в имперской службе и многочисленные недуги в суде (судебной работе)»²⁹. После торжественной церемонии император избрал четырех мужей, достойных служить державными судьями. Вручив им судебные полномочия, император пожаловал (выдал) им земли, приносящие ежегодно обильные доходы³⁰. Тот факт, что дарованные земли, доход от которых образовывал ежегодное жалование новоназначенным судьям, по правовому статусу относились к категории проний, не вызывает сомнений. В этой связи отсутствие упоминаний названия прония не играет существенной роли.

Таким образом, пронии являлись вознаграждением за определенные услуги или же

оплату службы вне зависимости от ее характера, а также обычным дарением, ставшим результатом императорского расположения, как, например, факты одаривания прониями монастырей и церквей; и в этом смысле пронии представляли институт, тождественный с апанажем лиц императорской семьи.

Прониарские земли последнего типа, довольно часто включавшие обширные территории или же отдельные регионы, позволяли их владельцам вести соответствующий происхождению и социально-политическому положению образ жизни. Так, например, в пронию Иоанна, брата Палеолога Михаила VIII, входили острова Митилена и Родос, а также обширные земли на материковой части³¹. Зять императора, деспот Михаил, имел пронии, распространявшиеся на земли Балканского полуострова. После того как Михаил был заподозрен в сговоре со Святославом Тертером, его пронии были изъяты и переданы Михаилу IX взамен на пронии последнего в Малой Азии³².

Несмотря на вышеуказанное, считаем необходимым более детально рассмотреть пронии, выделяемые в качестве вознаграждения за воинскую службу, безусловно получившие столь же широкое распространение, как в качестве вознаграждения за гражданскую службу³³. В этой связи следует ответить на закономерный вопрос о социальной принадлежности воинов-прониаров.

Упомянутый в одном из документов прониар пансеваст Алопос, как видно из его титула, был не рядовым воином. В соответствующей грамоте указанный пансеваст назван начальником (*προκαθημενος*), в другой же уточняется, что он являлся *προκαθημενος* Смирны³⁴. Названный в той же грамоте каваларий Сиргарий также не был рядовым конным воином [23, t. IV, p. 37, 39, 40, 41]³⁵. В одном из пассажей Пахимер повествует о том, что малоазийские акриты получали всевозможные милости от императоров и наиболее храбрые из них, очевидно, как военачальники, получили пронии³⁶. Таким образом, можно с полной уверенностью констатировать, что в тех случаях, когда прониарство и личная воинская служба были объединены в одном лице, прониарами являлись не рядовые воины, а военачальники³⁷.

В этой связи хотим высказать свое несогласие с мнением Н. Иконоmidиса, который в качестве экономического основания преобразованной ромейской армии определил институт пронии. Н. Иконоmidис указал, что к началу XIV в. прониары, составлявшие основу национального войска, получая с проний в большинстве случаев от 70 до 80 номизм, будучи включенными в территориальные объединения прониаров – аллагии, приводили с собой в войско одного или двух воинов [49, p. 353]. Исходя из последнего предположения путем исчисления, основываясь на данных Пахимера о численности «мегало аллагии» (великой аллагии) в 40 000 человек, можно прийти к абсолютно нелогичному мнению о том, что прониарское ополчение могло насчитывать в империи до 20 000 держателей проний. В этом случае ежегодные затраты империи на содержание прониарского войска могли составлять более миллиона перперов и значительно превышали затраты на наемников.

Представляет интерес и мнение М. Бартусиса. Определяя доходы прониаров, американский историк указал, что наиболее очевидным был доход в 320 перперов в год, получаемый ими сельскохозяйственными продуктами и наличными деньгами [31, p. 84–85]. Кроме того, ученый, не аргументируя данными источников, предположил, что численность прониарского войска должна была приближаться к 500 воинам [31, p. 84–85]³⁸. Таким образом, общая сумма затрат на содержание прониаров составляла 160 000 перперов в год [31, p. 85]. С учетом того, что исследователь согласился с предположением о замене стратиотского войска аллагией и мегало аллагией, состоявшей из прониар, а также приведенной численности прониарского войска, хотелось акцентировать внимание на необоснованности утверждения уже в силу характера, динамики и масштабов военных действий палеологовской армии. Также отметим, что в ряде случаев источники сообщают о точной численности отрядов противников и отрядов ромеев, которые даже в самых малых операциях значительно превышали пятьсот воинов.

Вместе с тем считаем возможным согласиться с мнением Н. Иконоmidиса о том, что *наемную армию* периода правления первых Палеологов предполагалось усилить прониарс-

ким войском [49, p. 356]. Однако, как нам кажется, это касалось лишь безопасности западных рубежей. Следует заметить, что на всей европейской территории прониарское войско не могло удовлетворить нужды империи в деле обеспечения безопасности границ, прежде всего в силу своей немногочисленности³⁹. При этом восточные владения империи, очевидно, передавались на полное обеспечение малоазийских прониаров и стратиотов. Наше предположение всецело согласуется с мнением Н. Икономидиса о существовании так называемых «малых проний» [49, p. 357]⁴⁰. Эти держания и предназначались для вознаграждения низшего командного состава из числа стратиотов.

Как следует из военной традиции византийской империи, командный состав армии получал жалованье в соответствии с чином, а также награды за заслуги и часть трофея. В палеологовскую эпоху о дополнительных наградных выплатах или же распределении военной добычи среди командного состава не упоминается. Вполне вероятно, что наделение прониями служило заменой традиционного вознаграждения. В этой связи отметим одну особенность.

Большинство сообщений источников об оплате воинской службы касались исключительно наемников-иностранцев⁴¹. При этом в раннепалеологовскую эпоху для обозначения выплат воинам, владевшим прониями⁴², или же жалованья, выдаваемого наемникам, употреблялся термин ситиресион. Так, по данным Пахимера, Рожер де Флор позволял каталонцам разорять население Малой Азии, несмотря на получение ими ситиресиона василевса: «καὶ ταῦθ' ἰκανοῦμένους καὶ τοῖς ἐκ βασιλέως σιτηρεσίους» [57, t. IV, p. 459⁹⁻¹⁰]. В ряде других случаев ситиресия названа «μισθὸς» «ῥόγα»⁴³. Таким образом, можно предположить, что и в первом из приведенных пассажей держателями проний являлись не ромеи-военачальники, а наемники (см.: [57, t. I, p. 187²⁷⁻²⁹]). Следовательно, лексема ситиресион употреблялась в значении жалованья наемникам, получившим за службу земельные участки.

В одном из пассажей Пахимер перечислил мероприятия Михаила, предпринятые императором для подтверждения своей щедрости. В их числе были увеличения проний, упо-

мянутые исключительно в связи с членами сената (герусии) и военными. При этом, сообщая о последних, автор подчеркивает их отличие от народа (остального населения) τὸ πλῆθος, которому предназначалось освобождение от долгов и пожалование средств для жизни [57, t. I, p. 139³⁻¹⁰]. Таким образом, мы можем предположить, что в указанном пассаже автор говорит о вознаграждении военачальников знатного происхождения и что в ряде конкретных случаев, прониарство в Византии являлось воинским институтом, связанным исключительно с представителями командного состава⁴⁴.

Однако следует заметить, что помимо вышеуказанной функции исключительно «малые пронии»⁴⁵ могли также выделяться и незнатным воинам⁴⁶. Отметим, что источники раннепалеологовского периода представляют не вполне четкие и ясные данные относительно последнего тезиса. Так, в сообщении Пахимера о реорганизации акритской службы содержится информация о том, что держателями проний могли быть особо отличившиеся воины пограничных районов, то есть, возможно, стратиоты, проявившие особое усердие и храбрость в военных действиях, очевидно, занимавшие низшие командные посты.

Итак, подводя предварительные итоги, можно отметить, что используемые нами данные актовых материалов и нарративных источников раннепалеологовского периода позволяют не согласиться с главенствующей в науке точкой зрения, согласно которой прониары и прониарское войско были тождественны стратиотскому ополчению, представляя собой последнюю стадию их развития. Результат сравнительного анализа таких существенных признаков как срок и условия владения/держания явно указывает на различие пронии и стратиотского владения. Вместе с тем проблемы социальной принадлежности, прав и обязанностей, а также места прониаров в системе военного командования требуют дополнительного изыскания во второй части публикации. Отметим, что в связи с особым значением в контексте исследования нововведений в пограничной службе следующую часть статьи начнем с краткого обзора истории акритской реформы⁴⁷ (подробнее о реформе см.: [3]).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья публикуется в двух частях с общей нумерацией библиографии.

² В большинстве работ прония рассматривается в рамках узкого хронологического периода, например X–XIII вв., в других – изучается поздневизантийская прония [6; 9; 10; 15; 20; 21; 22; 25; 26; 36; 39; 41; 46; 52; 53].

³ В этой связи следует заметить, что в вопросе происхождения пронии как воинского института интересна точка зрения К. Каэна, предположившего ее происхождение от тюркского икту, имевшего аналогичную природу на ранних этапах и хронологически ее опередившего [35, p. 265–266]. Подробную характеристику позднего икту представил в своем сочинении Рашид ад-Дин. Также хотелось отметить точку зрения М. Бартусиса, указавшего на большое влияние поздневизантийской пронии в процессе формирования османского тимара [33, p. 185].

⁴ Автор отождествляет понятие стратиот и прониар: [13, с. 104–105].

⁵ Надо отметить, что в рецензиях на монографию общим местом стали замечания по вопросу отсутствия анализа новейшей европейской и американской литературы (см., например: [61, p. 740–741]).

⁶ Два эти термина обозначают идентичное отношение между владельцем и владением, однако различное в функциях владений. Термин «прония» (πρόνοια – попечение), как и выражение «земля, данная в попечение» (εἰς πρόνοιαν [23, t. IV, n. IV, p. 39; n. CL, p. 239; t. VI, n. LXXXVI, p. 212]), указывают на то, что последняя является не владением, необходимым для содержания и восполнения издержек, понесенных воином, а территорией, данной на его попечение. В то же время прония рассматривается в историографии как традиционная форма оплаты службы чиновников и стратиотов, состоявшая в отчислении налогов с определенной территории [39, S. 85].

⁷ По мнению К.С. Хвостовой, прония как право попечения выражена также в новом формуляре этого института – икономии, который в указанный период времени часто заменяет прежний термин [20, с. 51–52]. Отметим, что А.П. Каждан также уравнивает оба понятия, но применяет для их обозначения весьма двусмысленный и неточный термин «господство» [4, с. 213]. Вместе с тем М. Бартусис в новейшей работе конкретизирует не формальную, а содержательно-правовую спецификацию икономии [29, p. 217].

⁸ В этой связи хотелось заметить, что определяя качество и результативность службы воинов-прониаров, Н. Икономидис подчеркнул, что рассе-

янный характер прониарских держаний, их рассредоточенность по всей территории империи придали прониарскому войску крайне слабую мобильность [50, p. 355].

⁹ «ἵνα λαμβάνωσιν εἰς προσόδιον αὐτῶν κατ' ἔτος πάσας τὰς ἀναγεγραμμένας δόσεις χωρὶς μόνης τῆς τοῦ φλωριατικοῦ δόσεως, ἥτις ὀφείλει εἶναι τοῦ δημοσίου» [23, t. III, n. XXXVII, p. 173]. Данные некоторых практиков прониаров указывают на преобладание среди их владений держаний зависимых крестьян – париков (о них см.: [50, p. 158–164]).

¹⁰ «...εἰ δ' ἴσως δὲ ἐπιμόρτως καὶ προνοιαστικῶς κατεῖχον αὐτὴν καὶ ἐδίδουν τὴν ταύτης μορτὴν ποτὲ μὲν τοῖς κατὰ πρόνοιαν ἔχουσι τὸ ῥηθὲν χωρίον Μαλαχίου» [23, t. VI, n. LXXXV, p. 211]. Пронию Н. Икономидис традиционно понимает как право получения доходов с прониарских держаний, выраженных в посотис, который состоял из налоговых сборов, взимаемых с париков не казной, а самими прониарами [49, p. 353]. По мнению Н. Икономидиса, прониары, получая посотес, были обязаны участвовать в военных кампаниях, формируя тяжеловооруженную конницу. Автор указал, что к началу XIV в. прониары, составлявшие основу национального войска, получая с проний в большинстве случаев от 70 до 80 номизм, будучи включенными в территориальные объединения прониаров – аллагии, приводили с собой в войско одного или двух воинов [49, p. 353].

¹¹ «τὸ κάστρον Φανάριον μετὰ πάσης τῆς νομῆς αὐτοῦ καὶ περιοχῆς καὶ ἀρχὴ αὐτοῦ κεφαλατιχεύη» [23, t. III, n. XLVI, p. 225].

¹² См., например, документ, в котором прониар обозначен как «δικαίῳ τε οἰκείῳ καὶ δικαίῳ τῶν παροίκων αὐτοῦ» [23, t. IV, n. VI, p. 41].

¹³ Полагаем, что вопрос о правовой природе института имеет сущностное значение для неэкстраординарных военно-политических институтов, рассчитанных на длительное использование и определенный эффект.

¹⁴ «καὶ τὰς ἐκείνων προνοίας... γονικὰς ἐγκαθιστᾶν τοῖς παισὶ» [57, t. I, p. 131^{19–20}]; «ὡς ἀθανάτους τὰς τῆς ζωῆς προνοίας καὶ τὰ διδόμενα σιτηρέσια τοῖς παισὶν ἔξοντας» [57, t. I, p. 139^{7–8}].

¹⁵ С. Кириакидис, также повторяет мысль о том, что прония со времени Михаила VIII постепенно приобретала наследственный статус [43, p. 77].

¹⁶ Известны несколько грамот, в которых фиксируется наделение однажды пожалованной пронии наследственным статусом. В одной из них прониар просил: «ἵνα τύχη χρυσοβούλλου καὶ κατέχη τὴν τοιαύτην γῆν ὡς γονικὴν» [23, t. V, n. II, p. 89]; его просьба была удовлетворена на условии «ὀφείλει δὲ παραλέμειν ταύτην (икономии – В. 3.) καὶ πρὸς τοὺς ἐξ ὀσφύος παῖδας καὶ κληρομόνους αὐτοῦ» [23, t. V, n. II, p. 90]. Наследственная прония семьи Гав-

рилопулов известна по «дарственной грамоте Михаила Гаврилопуло жителям крепости Фанари» от 1295 г. (см.: [23, t. V, p. 260–261]).

¹⁷ «ὡς ἀθανάτους τὰς τῆς ζωῆς προνοίας καὶ τὰ διδόμενα σιτηρέσια τοῖς παισὶν ἕξοντας» [57, t. I, p. 139⁷⁻⁸].

¹⁸ О том, что прониарами могли быть не местные жители сообщают грамоты [23, t. V, n. XII, p. 107; n. XIV, p. 109; t. VI, n. LXXXVI, p. 212⁸].

¹⁹ «ὡς ἔχοντι εἰς πρόνοιαν τὰ δίκαια τοῦ ποταμοῦ» [23, t. IV, n. CL, p. 239]; «ἐδωρήθη πρὸς οἰκονομίαν αὐτοῦ τὸ καταρρέον ὕδωρ τῆς νῦν νομῆς τοῦ Ἐρμῶνος ἄνευ τῆς παλαιᾶς νομῆς» [23, t. IV, n. III, p. 241]; «ἐπεὶ ἐδωρήθη μοι κατὰ λόγους προνοίας διὰ θεοῦ καὶ βασιλικῆς προσκυνητοῦ ὀρισμοῦ τὸ κατὰ τὸν κόλπον τῆς Σμύρνης βιβάριον τοῦ ποταμοῦ τοῦ Ἐρμῶνος...» [23, t. IV, n. IV, p. 242].

²⁰ М. Бартусис в работе, посвященной службе каваллариев, подчеркнул, что пронии жаловались в качестве вознаграждения каваллариям [32, p. 345]. В новейшем исследовании историк отметил, что прония имела преимущественно военную характеристику в ранний период своей истории [29, p. 50].

²¹ Безусловно, речь идет о системе военной организации западноевропейских государств до начала XIV в., времени коренного изменения функций ее основных элементов (пространственных и временных ограничений обязательной службы).

²² «καθ' ἑξοῦσι ταύτην ἀνωτέραν πάσης ἐπιθέσεως καὶ ὀχλήσεως» [23, t. V, n. XII, p. 107].

²³ В одной из грамот содержится сообщение о том, что один из военных судей участвовал в разбирательстве гражданского дела [23, t. IV, n. CII, p. 178–182].

²⁴ Тем не менее в источниках присутствуют и сообщения о воинской обязанности прониаров. Об этом, как кажется, повествует одна из грамот Михаила Палеолога, датированная 1262 годом. Однако в этом случае сообщается не о повинностях, исходящих от самой пронии, а о повинностях, ставших главным условием пожалования пронии. Как сообщает текст грамоты, права прониара исходили из обстоятельства выплат имперских и воинских податей: «καὶ βάρη τελεσμάτων ἐπίκεινται τοῦτοις δημοσιακῶν τε καὶ στρατιωτικῶν ἕνεκα ταύτης» [23, t. VI, n. LXXXVI, p. 212]. Под последними необходимо понимать всевозможные поставки, материальные или натуральные, которые изыскивались от населения для обеспечения издержек на содержание войска.

²⁵ «ὄσον ἐν προνοίαις ἐτάττετο μοναῖς τε καὶ ἐκκλησίαις καὶ τοῖς βασιλεῖ παρασπίζουσιν» [57, t. III, p. 425²⁴⁻²⁶].

²⁶ «Καὶ τοὺς μὲν τῆς γερουσίας οὕτω μεγαλοπρεπῶς ἐθεράπευε, προνοίας τοῦτοις ἐπαύξων καὶ προστιθεῖς» [57, t. I, p. 139³⁻⁴].

²⁷ «Πολλοῖς τοίνυν τὸν πατριάρχην κυκλοῦμενον υἱέσι καὶ κηδεσταῖς καὶ ἀπογόνοις, καὶ πλήθει συγγενείας παντοδαπῆς, τιμαῖς ἄλλαις ἄλλους μετεωρίσας, καὶ χωρίων ἐπιδόσεσιν εὐπορον καταστήσας τὸν βίον αὐτοῖς» [48, vol. 2, p. 697¹⁻⁴].

²⁸ Приведенный в предшествующем пассаже фрагмент труда Григоры не содержит наименование земель термином *прония*, однако в связи с фактом дарения, указанном ранее с основой на работу Пахимера, считаем вполне обоснованным предположение об их идентичности.

²⁹ «καιριώτερον δ' εἶναι τὸ τῶν πολιτικῶν πραγμάτων ἀστάθμητον καὶ τὸ περὶ τὰς δίκας νόσημα» [48, vol. 1, p. 436²²⁻²³].

³⁰ В этом пассаже, как и в приведенном выше, историк обозначает пронию лексемой *χωρία* – «χωρία δοὺς ἀποχρῶντα καλῶς πρὸς ἐπέτειον πρόσδοτον» [48, vol. 1, p. 438⁶⁻⁷].

³¹ «γὰρ πᾶσαι τὸ πρότερον, Μιτυλήνην λέγω καὶ Ρόδος, καὶ κατὰ γῆν πλεῖστά τε καὶ μέγιστα οἱ εἰς αὐτάρκη πρόνοιαν ἦσαν» [57, t. II, p. 417⁸⁻⁹].

³² «ἀποβαλόντι γὰρ τὰ ἀποτεταγμένα οἱ τῶν προνοιῶν κατ' ἀνατολήν ἐκ τῆς τῶν Ἀγαρηνῶν ἐπιθέσεως προσεκυροῦντο παρὰ πατρὸς τὰ κατὰ δύσιν κτήματα τοῦ δεσπότη Μιχαήλ» [57, t. IV, p. 447¹⁴⁻¹⁷].

³³ Вслед за Э. Арвейлер, Н. Зворонсом и Г. Бекком применительно к средневизантийскому периоду М.А. Морозов понимает под пронией средство оплаты службы через делегирование права по сбору налогов [7, с. 70–71].

³⁴ «καὶ ἀπὸ τῆς προνοίας τοῦ πανσεβάστου προκαθημένου τοῦ Ἰωάννου Κωνσταντίνου ὁ Ζωναρᾶς» [23, t. IV, n. IV, p. 38]; «προθήμενος Σμύρνης καὶ παραδότης τῶν ἐντὸς γεγραμμένων χωραφίων, Ἰωάννης σεβαστὸς ὁ Ἰωάννης» [23, t. IV, n. LXXIX, p. 150].

³⁵ Этой лексемой византийцы обозначали латинских рыцарей, неоднократно находившихся на службе империи в XIII–XIV веках. На военном совете в Адрианополе, созванном после бегства Андроника III из столицы, латинские наемники были представлены «καβαλλαρίου Φραμπέριν τεμπνιόλ» [40, vol. 1, p. 100¹⁹]. Также Кантакузином были произведены в рыцари некоторые латинские наемники: «καὶ τισι τοῖς ἐκ τῆς Λατινικῆς στρατιᾶς τὴν καβαλαρίων παρεῖχε τιμὴν» [40, vol. 2, p. 166²⁰⁻²¹].

³⁶ «προνοίαις δ' ἐκ τούτων τοὺς ἐπιδοδοτέρους καὶ οἷς τολμῆεν τὸ φρόνημα γράμμασιν ἐδωροῦντο βασιλικῶς» [57, t. I, p. 29²⁴⁻²⁶].

³⁷ Хотелось также обратить внимание на то, что название воинского сословия (στρατιωτικόν), воинов (στρατιῶται) означало не только обыкновенных солдат, а военнотружущих в целом включая и командный состав.

³⁸ Возможно, численность прониаров, опеределенная М. Бартусисом, была взята из сооб-

щения Никифора Григоры о пятистах знатных воинах. В этой связи следует заметить, что историк не называет указанных воинов прониарами: «τῶν δὲ συγγενῶν καὶ τῶν ἄλλως εὐγενῶν ἀνδρῶν καὶ ἅμα ὀπίσσοι τῆς σφῶν θεραπείας ἦσαν, ἐς τὸ ἔγγιστα τῶν πεντακοσίων ἀγῆγον τὸν ἀριθμὸν» [48, vol. 2, p. 628²⁻⁵].

³⁹ Как отметит М.А. Морозов, проний в европейских владениях было крайне мало в силу неразвитости государственных институтов в эфирском регионе [7, с. 104–105].

⁴⁰ Очевидно, что в отношении малых проний, не являвшихся владениями на правах собственности, даруемых незнатным прониарам-стратиотам, занимавшим низшие командные посты в армии, может быть применима исключительно публично-правовая функция военно-административного управления и фискального контроля.

⁴¹ См., например: [57, t. III, p. 289¹¹⁻¹²]; описание Кантакузином подготовки похода в Фессалию [40, vol. 1, p. 87¹⁹]; поход Андроника против Митилена и Фокеи [40, vol. 1, p. 489¹²⁻⁴⁹³]; венчание на трон Кантакузина в Димотике [40, vol. 1, p. 175³].

⁴² «ὡς ἀθανάτους τὰς τῆς ζωῆς προνοίας καὶ τὰ διδόμενα σιτηρέσια τοῖς παισὶν ἔξοντας» [57, t. I, p. 139⁷⁻⁸]. Также см.: [57, t. I, p. 187²⁷⁻²⁹].

⁴³ «πλήν ἐπὶ ρητῶ τῷ μισθῶ» [57, t. IV, p. 431⁸]; «τοὺς δὲ γὰρ περὶ αὐτὸν ῥόγαις ταῖς προσηκούσαις ἐξικανοῦν» [57, t. IV, p. 433²¹⁻²²].

⁴⁴ В гражданско-правовом понимании прониарами могли быть как лица знатного происхождения, так и представители более низкого социального статуса. Об этих вариациях см.: [25, p. 157; 27, p. 126].

⁴⁵ Разумею «малые пронии», определенные Н. Икономидисом [49, p. 357].

⁴⁶ Исторические сочинения содержат упоминания о воинах-прониарах, принадлежащих, судя по контексту, к группе стратиотов. Так, в одном из пассажей труда Скутариота упоминаются пронии (τῶν προνοῶν) наряду с воинскими списками (οἱ τῶν στρατιωτικῶν καταλόγου) [64, p. 286¹⁹⁻²¹].

⁴⁷ Подробнее о реформе см.: [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибииков, М. В. Сведения о пронии в письмах Григория Кипрского и «Истории» Георгия Пахимера / М. В. Бибииков // Очерки средневековой истории экономики и права: к XII Междунар. конгр. экон. истории / отв. ред. М. В. Бибииков. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1998. – С. 188–195.
2. Горянов, Б. Т. Поздневизантийский феодализм. Социальные движения в поздней Византии. Введение / Б. Т. Горянов // Сборник документов по социально-экономической истории Византии / отв.

ред. Е. А. Косминский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – С. 229–236.

3. Золотовский, В. А. К истории византийской армии в XIII в. Реформа акритской службы Михаила VIII Палеолога / В. А. Золотовский // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 6. – С. 65–68.

4. Каждан, А. П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. / А. П. Каждан. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 244 с.

5. Максимовић, Ј. Византијска провинцијска управа у доба Палеолога / Ј. Максимовић. – Београд: Византолошки институт Српске академије наука и уметности, 1972. – XIX, 199 с.

6. Максимовић, Ј. Пронијари у Трапезундском Царству / Ј. Максимовић // Сборник Филозофског факултета у Београду. – Београд: Филозофски факултет, 1974. – Књ. XII/1. – С. 393–404.

7. Морозов, М. А. Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы / М. А. Морозов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2005. – 174 с.

8. Мутафчиев, П. Войнишки земи и войници в Византия през XIII–XIV в. / П. Мутафчиев // Списание на Българска Академия на науките. – София: Бълг. акад. на науките, 1923. – Вып. 27. – С. 1–113.

9. Осипова, К.А. К вопросу о роли государства в утверждении феодализма в Византии / К. А. Осипова // Actes du XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Resumés der Kurzbeiträge. – Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. – 4. 1.

10. Острогорски, Г. Још једном о пронијарима Куманима / Г. Острогорски // Сборник Владимира Мошина. – Београд: Савез библиотечких радника Србије, 1977. – С. 63–74.

11. Острогорский, Г. А. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословјанским земљама / Г. А. Острогорский. – Београд: Српска академија наука, 1951. – VIII, 200 с.

12. Скабаланович, Н. А. Византийское государство и церковь в XI веке, от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина / Н. Скабалановича. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – LXXII, 449 с.

13. Сметанин, В. А. О тенденциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1975. – Вып. 11. – С. 99–109.

14. Сметанин, В. А. Расходы Византии на армию и флот (1282–1453) / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1975. – Вып. 12. – С. 117–125.

15. Сюзюмов, М. Я. Внутренняя политика Андроника Комнина / М. Я. Сюзюмов // Византийский временник. – 1957. – Т. 12. – С. 58–74.

16. Успенский, Ф. И. Значение византийской и южнославянской пронии / Ф. И. Успенский // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – С. 1–32.
17. Успенский, Ф. И. История Византийской империи : в 5 т. Т. 5: Отдел VIII. Ласкари и Палеологи / Ф. И. Успенский. – М.: АСТ : Астрель, 2005. – 560 с.
18. Успенский, Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии / Ф. И. Успенский // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1883. – Ч. 225 (январь – февраль). – № 1. – С. 30–87; № 2. – С. 301–360.
19. Хвостова, К. В. Аграрноправовые отношения в Византии XIII – XIV вв. / К. В. Хвостова // История Византии / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1967. – Т. 3. – С. 97–108.
20. Хвостова, К. В. Византийская цивилизация как историческая парадигма / К. В. Хвостова. – СПб.: Алетей, 2009. – 207 с.
21. Хвостова, К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV–XV) / К. В. Хвостова. – М.: Наука, 1968. – 325 с.
22. Хвостова, К. В. Прония: социально-экономические и правовые отношения / К. В. Хвостова // Византийский временник. – 1988. – Т. 49. – С. 13–23.
23. Acta et diplomata graeca medii aevi / Ed. by F. Miklosich, J. Müller. – Vindobonae : C. Gerold, 1865. – Т. III. – 394 p.; 1871. – Т. IV. – 442 p.; 1887. – Т. V. – 480 p.; 1890. – Т. VI. – 452 p.
24. Actes de l'Athos. VI. Actes de Philotée / Ed by W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // Византийский временник. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. – Т. XX. Приложение. – IV, 50 с.
25. Ahrweiler, H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) particulièrement au XIII-e siècle / H. Ahrweiler // Byzance: les pays et les territoires. – London: Variorum Reprints, 1976. – P. 1–204.
26. Ahrweiler, H. Le pronioia à Byzance. Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X– XIII siècles) / H. Ahrweiler // Collection de l'école française de Rome. – Roma: Ecole française de Rome, 1980. – Т. 44. – P. 681–689.
27. Angold, M. A. Byzantine Government in Exile: Government and Society Under the Laskarids of Nicaea, 1204–1261 / M. A. Angold. – London: Oxford University Press, 1975. – XX, 332 p.
28. Bartusis, M. C. A Note on Michael VIII's 1272 Prostagma for His Son Andronikos / M. C. Bartusis // Byzantinische Zeitschrift. – 1988. – Bd. 81. – S. 268–271.
29. Bartusis, M. C. Land and Privilege in Byzantium: the Institution of Pronioia / M. C. Bartusis. – N. Y.: Cambridge University Press, 2012. – XLIV, 697 p.
30. Bartusis, M. C. On the Problem of Smallholding Soldiers in Late Byzantium / M. C. Bartusis // Dumbarton Oaks Papers. – 1990. – Vol. 44. – P. 1–26.
31. Bartusis, M. C. The Cost of Late Byzantine Warfare and Defense / M. C. Bartusis // Byzantinische Forschungen: internationale Zeitschrift für Byzantinistik. – Amsterdam: A. M. Hakkert, 1991. – Bd. 16. – P. 75–89.
32. Bartusis, M. C. The Kavallarioi of Byzantium / M. C. Bartusis // Speculum. Journal of Medieval Studies. – 1988. – Т. 63. – P. 343–350.
33. Bartusis, M. C. The late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453 / M. C. Bartusis. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992. – XVII, 438 p.
34. Bartusis, M. C. The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Militar Organization in Late Byzantium / M. C. Bartusis // Revue des études byzantines. – Paris: Institut français d'études byzantines, 1989. – Т. 47. – P. 183–207.
35. Cahen, Cl. L'évolution de l'iqṭā' du IX au XIII siècle. Contribution à une histoire comparée des sociétés médiévales / Cl. Cahen // Les peuples musulmans dans l'histoire medievale. – Damas: Institut Francais de Damas, 1977. – P. 231–269.
36. Carile, A. Sulla pronioia nel Peloponneso bizantino anteriormente alla conquista Latina / A. Carile // Зборник радова византолошког института. – Београд: Византолошки институт САНУ, 1975. – Књ. XVI. – С. 55–61.
37. Charanis, P. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth and Later / P. Charanis // Byzantinoslavica. – Praha: CSAV; Kabinet pro studia rečká, římskaì a latinská, 1951. – Т. XII. – Fasc. 1–2. – P. 94–153.
38. Clykatzi-Ahrweiler, H. La consession des droits incorporels, donations conditionnelles / H. Clykatzi-Ahrweiler // Actes du XII e Congrès International des études Byzantines. – Beograd: Naučno delo, 1964. – Vol. II. – P. 103–114.
39. Hunger, H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden / H. Hunger. – Wien: In Kommission bei H. Böhlau Nachf., 1964. – 260 S.
40. Ioannes Cantacuzenus. Historiae: in 3 vols. / Ioannes Cantacuzenus – Bonn: Weber, 1828. – Vol. 1. – 560 p.; 1831. – Vol. 2. – 615 p.; 1832. – Vol. 3. – 365 p.
41. Kühn, H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata / H.-J. Kühn. – Wien: Verlag Fassbaender, 1991. – 318 S.
42. Kyriakidis, S. Crusaders and mercenaries: the west-European soldiers of the Laskarids of Nicaea (1204–1258) / S. Kyriakidis // Mediterranean Historical Review. – 2014. – Vol. 29, № 2. – P. 139–153.

43. Kyriakidis, S. Warfare in late Byzantium, 1204–1453 / S. Kyriakidis. – Leiden ; Boston : BRILL, 2011. – XX, 254 p.
44. Laiou, A. Constantinople and the Latins; the Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328 / A. Laiou. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1972. – XII, 390 p.
45. Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / G. Dagron, H. Mihaescu (eds.). – Paris : Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986. – 358 p.
46. Lemerle, P. The Agrarian History of Byzantium. From the Origin to the Twelfth Century: the Sources and Problems / P. Lemerle. – Galway : Galway University Press, 1979. – XII, 272 p.
47. Muntaner, R. Expédition de Romanie / R. Muntaner // Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIII siècle / ed. by J. A. C. Buchon. – Paris : A. Desrez, 1840. – P. 414–482.
48. Nicephorus Gregoras. Historia Romana : in 3 vols. / Nicephorus Gregoras / L. Schopen, I. Bekker (eds.). – Bonn : Weber, 1829. – Vol. 1. – 568 p. ; 1830. – Vol. 2. – P. 571–1146 ; 1855. – Vol. 3. – 567 p.
49. Oikonomidès, N. A propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats / N. Oikonomidès // Travaux et Mémoires. – Paris : De Boccard, 1981. – T. 8. – P. 353–371.
50. Oikonomidès, N. Contribution à l'étude de la pronoia au XIII-e siècle. Une formule d'attribution de pareques à un pronoiaire / N. Oikonomidès // Revue des études byzantines. – Paris : Institut français d'études byzantines, 1973. – T. 5. – P. 158–175.
51. Oikonomidès, N. The Role of the Byzantine State in the Economy / N. Oikonomidès // The economic history of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century : in 3 vols. / Ed. by A. E. Laiou. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. – Vol. 3. – P. 973–1058.
52. Ostrogorsky, G. Die Pronoia unter den Komnenen / G. Ostrogorsky // Зборник радова византолошког института. – Београд : Византолошки Институт САНУ, 1970. – Књ. XII. – S. 41–54.
53. Ostrogorsky, G. Drei Praktika weltlicher Grundbesitzer aus der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts / G. Ostrogorsky // Зборник радова византолошког института. – Београд : Византолошки Институт САНУ, 1973. – Књ. XIV/XV. – S. 81–101.
54. Ostrogorsky, G. History of the Byzantine state / G. Ostrogorsky. – New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 1969. – XL, 624 p.
55. Ostrogorsky, G. Observations on the Aristocracy in Byzantium / G. Ostrogorsky // Dumbarton Oaks Papers. – 1971. – Vol. 25. – P. 1–32.
56. Ostrogorsky, G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie Byzantine / G. Ostrogorsky. – Bruxelles : Byzantion, 1956. – 80 p.
57. Pachymérès, Georges. Relations historiques / Georges Pachymérès / A. Failler, V. Laurent (eds.). – Paris : Les belles lettres, 1984. – T. I: Livres I–III. – P. 325 p. ; T. II: Livres IV–VI. – P. 328–667 ; 1999. – T. III : Livres VII–IX. – 305 p. ; T. IV: Livres X–XIII. – P. 306–727.
58. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / E. Trapp, H.-V. Beyer, I. Leontiadis (Hrsg.). – Wien : Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. – T. 12. – 1994. – 6626 S.
59. Pseudo-Kodinos. Traite des offices / Pseudo-Kodinos. – Paris : Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. – 420 p.
60. Smyrlis, K. Financial Crisis and the Limits of Taxation Under Andronikos II Palaiologos (1282–1321) / K. Smyrlis // Power and subversion in Byzantium: papers from 43rd Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, march 2010. – Farnham : Ashgate Publishing Ltd, 2013. – P. 71–82.
61. Smyrlis, K. Review: Mark Bartusis. Land and Privilege in Byzantium. The Institution of Pronoia / K. Smyrlis. – Speculum. – 2014. – Vol. 89/3. – P. 739–741.
62. Smyrlis, K. Taxation reform and the pronoia system in thirteenth-century Byzantium / K. Smyrlis // Change in the Byzantine World in the Twelfth and the Thirteenth Centuries: First International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium. – Istanbul : Vehbi Koç Vakfi, 2010. – P. 211–217.
63. The Chronicle of Morea. Τό Χρονικόν τοῦ Μορέως / Ed. by J. Schmitt. – London : Methuen & Co., 1904. – XCII, 640 p.
64. Theodorus Scutariota. Historia. Additamenta ad Georgii Acropolitae historiam / Ed. by A. Heisenberg // Georgii Acropolitae. Opera : in 2 vols. Vol. 1: Continens Historiam, Breviarium historiae, Theodori Scutariotae Additamenta. – Lipsiae : B. G. Teubneri. – 1903. – P. 275–302.
65. Καραγιαννόπουλος, Ι. Συμβολή στο πρόβλημα της στρατιωτικής «πρόνοιας» κατά της εποχής των Παλαιολόγων / Ι. Καραγιαννόπουλος. – Θεσσαλονίκη : Ἐκδόσεις βανίας, 1998. – 50 σ.

REFERENCES

1. Bibikov M.V. Svedeniya o pronii v pismakh Grigoriya Kiprskogo i "Istorii" Georgiya Pakhimera [The Data on Pronoia in the Letters of Gregory of Cyprus and on the "History" of George Pachymeres]. *Ocherki srednevekovoy istorii ekonomiki i prava: k XII Mezhdunarodnomu kongressu ekonomicheskoy istorii* [Essays on Medieval History of Economics and Law: To the 12th International Congress on Economic History]. Moscow, In-t vseobshchey istorii RAN, 1998, pp. 188-195.

2. Goryanov B.T. Pozdnevizantiyskiy feodalizm. Sotsialnye dvizheniya v pozdney Vizantii. Vvedenie [Late Byzantine Feudalism. The Social Movements in the Late Byzantium. Introduction]. Kosminskiy E.A., ed. *Sbornik dokumentov po sotsialno-ekonomicheskoy istorii Vizantii* [Document Compendium on Social and Economic History of Byzantium]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951, pp. 229-236.

3. Zolotovskiy V.A. K istorii vizantiyskoy armii v XIII v. Reforma akritskoy sluzhby Mikhaila VIII Paleologa [On the History of the Byzantine Army in the 18th Century. The Reform of Aktites Service of Michael VIII Palaeologus]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2009, no. 6, pp. 65-68.

4. Kazhdan A.P. *Agrarnye otnosheniya v Vizantii XIII-XIV vv.* [Agrarian Relations in Byzantium in the 13-14th Centuries]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 244 p.

5. Maksimoviĥ L. *Byzantine Provincial Administration in the Era of Palaeologus*. Beograd, Vizantoloshki institut Srpske akademije nauka i umetnosti, 1972, vol. XIX. 199 p. (in Serbian).

6. Maksimoviĥ L. Pronoiars in the Empire of Trebizond. *Zbornik Filozovskog fakulteta u Beogradu* [Proceedings of the Faculty of Philosophy in Belgrade]. Beograd, Filozofski fakultet, 1974, vol. XII/1, pp. 393-404. (in Serbian).

7. Morozov M.A. *Monastyri srednevekovoy Vizantii: khozyaystvo, sotsialnyy i pravovoy statusy* [Monasteries of Medieval Byzantium: Economy, Social and Legal Status]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2005. 174 p.

8. Mutafchiev P. Military Lands and Soldiers in the Byzantine Empire During the 18-19th Centuries. *Journal of the Bulgarian Academy of Sciences*, 1923, iss. 27, pp. 1-113. (in Bulgarian).

9. Osipova K.A. K voprosu o roli gosudarstva v utverzhdenii feodalizma v Vizantii [On the State's Role in the Approval of Feudalism in Byzantium]. *Actes du XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Resumés der Kurzbeiträge*. Wien, Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981, 4. 1.

10. Ostrogorski G. Once Again on the pronoiarioi Kumano. *Proceedings of Vladimir Mošin*. Beograd, Savez bibliotekhikh radnika Srbije, 1977, pp. 63-74. (in Serbian).

11. Ostrogorskiy G.A. *Pronoia. Contribution to the History of Feudalism in Byzantium and in South Slavic Countries*. Beograd, Srpska akademija nauka, 1951, vol. VIII. 200 p. (in Serbian).

12. Skabalanovich N.A. *Vizantiyskoe gosudarstvo i tserkov v XI veke, ot smerti Vasiliya II Bolgaroboytsy do votsareniya Alekseya I Komnina* [Byzantine State and Church in the 11th Century, From the Death of Basil

II Until the Reign of Alexios I Komnenos]. Saint Petersburg, Tipografiya F. Eleonskogo i K^o, 1884, vol. LXXII. 449 p.

13. Smetanin V.A. O tendentsiyakh ideologicheskoy i sotsialnoy dinamiki pozdnevizantiyskogo obshchestva v period permanentnoy voyny [On the Ideological Tendencies and Social Dynamics of Late Byzantine Society in the Period of Permanent War]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Times and Middle Ages]. Sverdlovsk, 1975, iss. 11, pp. 99-109.

14. Smetanin V.A. Raskhody Vizantii na armiyu i flot (1282–1453) [The Expenses of Byzantium on the Army and Navy (1282-1453)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Times and Middle Ages]. Sverdlovsk, 1975, iss. 12, pp. 117-125.

15. Syuzyumov M.Ya. Vnutrennyaya politika Andronika Komnina [Domestic Politics of Andronicus Comnenus]. *Vizantiyskiy vremennik*, 1957, vol. 12, pp. 58-74.

16. Uspenskiy F.I. Znachenie vizantiyskoy i yuzhnoslavyanskoy pronii [The Value of the Byzantine and South Slavic Pronoia]. *Sbornik statey po slavyanovedeniyu, sostavlennyy i izdannyy uchenikami V.I. Lamanskogo po sluchayu 25-letiya ego uchenoy i professorskoy deyatel'nosti* [Collected Articles on Slavonic Studies, Compiled and Published by the Students of V.I. Lamansky on the Occasion of the 25th Anniversary of His Scientific and Professorial Activity]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1883, pp. 1-32.

17. Uspenskiy F.I. *Istoriya Vizantiyskoy imperii: v 5 t. T. 5: Otdel VIII. Laskari i Paleologi* [History of the Byzantine Empire. In 5 vols. Vol. 5. Department VIII. Laskari i Paleologi. Lascari and Palaeologi]. Moscow, AST Publ.; Astrel Publ., 2005. 560 p.

18. Uspenskiy F.I. K istorii krestyanskogo zemlevladieniya v Vizantii [On the History of Peasant Land Tenure in Byzantium]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of People's Education]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1883, part 225 (January-February), no. 1, pp. 30-87; no. 2, pp. 301-360.

19. Khvostova K.V. Agrarnopravovye otnosheniya v Vizantii XIII – XIV vv. [Agro-Legal Relations in Byzantium in the 13-14th Centuries]. Litavrin G.G., ed. *Istoriya Vizantii* [The History of Byzantium]. Moscow, Nauka Publ., 1967, vol. 3, pp. 97-108.

20. Khvostova K.V. *Vizantiyskaya tsivilizatsiya kak istoricheskaya paradigma* [Byzantine Civilization as a Historical Paradigm]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2009. 207 p.

21. Khvostova K.V. *Osobennosti agrarnopravovykh otnosheniy v pozdney Vizantii (XIV–XV)* [Peculiarities of Agro-Legal Relations in the Late Byzantine Empire (14-15th)]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 325 p.

22. Kvostova K.V. Proniya: sotsialno-ekonomicheskie i pravovye otnosheniya [Pronoia: Socio-Economic and Legal Relations]. *Vizantiyskiy vremennik*, 1988, vol. 49, pp. 13-23.
23. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi* [The Journal of Greek Diplomats and Middle Ages]. Vindobonae, C. Gerold, 1865, vol. III. 394 p.; 1871, vol. IV. 442 p.; 1887, vol. V. 480 p.; 1890, vol. VI. 452 p.
24. Regel W., Kurtz E., Korablev B., eds. Actes de l'Athos. VI. Actes de Philotée [Acts of Athos. VI. Acts of Philotée]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle]. Saint Petersburg, 1913, vol. 20, Appendix 4. 50 p.
25. Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081-1317) particulièrement au XIIIe siècle [The History and Geography of the Smyrna Area Between the Turkish Occupation (1081-1317) Particularly in the 13th Century]. *Byzance: les pays et les territoires* [Byzantium: Countries and Territories]. London, Variorum Reprints, 1976, pp. 1-204.
26. Ahrweiler H. Le pronoia à Byzance. Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (Xe - XIIIe siècles) [The Pronoia in Byzantium. Feudalism and Feudal Structures in the Western Mediterranean (10 - 13th Centuries)]. *Collection de l'école française de Rome* [Collection of the French School of Rome]. Rome, 1980, vol. 44, pp. 681-689.
27. Angold M.A. *Byzantine Government in Exile: Government and Society Under the Laskarids of Nicaea, 1204-1261*. London, Oxford University Press, 1975, vol. XX. 332 p.
28. Bartusis M.C. A Note on Michael VIII's 1272 Prostagma for His Son Andronikos. *Byzantinische Zeitschrift*, 1988, vol. 81, pp. 268-271.
29. Bartusis M.C. *Land and Privilege in Byzantium: The Institution of Pronoia*. New York, Cambridge University Press, 2012, vol. XLIV. 697 p.
30. Bartusis M.C. On the Problem of Smallholding Soldiers in Late Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 1990, vol. 44, pp. 1-26.
31. Bartusis M.C. The Cost of Late Byzantine Warfare and Defense. *Byzantinische Forschungen: internationale Zeitschrift für Byzantinistik*, 1991, vol. 16, pp. 75-89.
32. Bartusis M.C. The Kavallarioi of Byzantium. *Speculum. Journal of Medieval Studies*, 1988, vol. 63, pp. 343-350.
33. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992, vol. XVII. 438 p.
34. Bartusis M.C. The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Militar Organization in Late Byzantium. *Revue des études byzantines*, 1989, vol. 47, pp. 183-207.
35. Cahen Cl. L'évolution de l'iqṭā du IXe au XIIIe siècle. Contribution à une histoire comparée des sociétés medieval [The Evolution of IQTA From the 11th to the 13th Century. Contribution to a Comparative History of Mediaeval Organizations]. *Les peuples musulmans dans l'histoire medieval* [The Muslim Peoples in Mediaeval History]. Damas, Institut Francais de Damas, 1977, pp. 231-269.
36. Carile A. Sulla pronoia nel Peloponneso bizantino anteriormente alla conquista Latina [On Pronoia of Peloponnese Byzantine Before the Latin Conquest]. *Zbornik radova vizantološkog instituta* [Proceedings of the Institute of Byzantine Studies]. Beograd, Vizantološki institut SANU, 1975, vol. XVI. pp. 55-61.
37. Charanis P. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the 13th Century and Later. *Byzantinoslavica*, 1951, vol. XII, Fasc. 1-2, pp. 94-153.
38. Clykatzi-Ahrweiler H. La consession des droits incorporels, donations conditionnelles [The Concession of Intangible Rights, Conditional Donations]. *Actes du XIIIe Congrès International des études Byzantines* [Proceedings of the Twelfth Congress of International Études Byzantines]. Beograd, 1964, vol. II, pp. 103-114.
39. Hunger H. *Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arenen der Urkunden* [Prooimion. Elements of the Byzantine Emperors' Idea in the Arenas of Certificates]. Wien, In Kommission be H. Böhlau Nachf., 1964. 260 p.
40. Ioannes Cantacuzenus. *Historiae: in 3 vols.* Bonn, Weber, 1828, vol. 1, 560 p. ; 1831, vol. 2. 615 p. ; 1832, vol. 3, 365 p.
41. Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata [The Byzantine Army in the 10th and 11th Centuries: Studies on the Organization of Tagmata]. Wien, Verlag Fassbaender, 1991. 318 p.
42. Kyriakidis S. Crusaders and Mercenaries: the West-European Soldiers of the Laskarids of Nicaea (1204-1258). *Mediterranean Historical Review*, 2014, vol. 29, no. 2, pp. 139-153.
43. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204-1453*. Leiden, Boston, BRILL, 2011, vol. XX. 254 p.
44. Laiou A. *Constantinople and the Latins; the Foreign Policy of Andronicus II, 1282-1328*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1972, vol. XII. 390 p.
45. Dagron G., Mihaescu H., eds. *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963-969)* [The Treaty on the Guerrillas (De velitatione) of Emperor Nikiforos Fokas (963-969)]. Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986. 358 p.

46. Lemerle P. *The Agrarian History of Byzantium. From the Origin to the Twelfth Century: the Sources and Problems*. Galway, Galway University Press, 1979, vol. XII. 272 p.
47. Muntaner R. Expédition de Romanie. Buchon J.A.C., ed. *Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle*. Paris, A. Desrez, 1840, pp. 414-482.
48. Nicephorus Gregoras. *Historia Romana: in 3 vols*. Bonn, Weber, 1829, vol. 1. 568 p.; 1830, vol. 2, pp. 571-1146; 1855, vol. 3. 567 p.
49. Oikonomidès N. À propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats [About the Armies of the First Palaeologus and Companies of Soldiers]. *Travaux et Mémoires*, 1981, vol. 8, pp. 353-371.
50. Oikonomidès N. Contribution à l'étude de la pronoia au XIIIe siècle. Une formule d'attribution de pareques à pronoiaire [Contribution to the Study of Pronoia in the 18th Century. An Allocation Formula of Pronoiaire Parks]. *Révue des études byzantines* [Review of Byzantine Studies]. Paris, Institut Français d'études byzantines, 1973, vol. 5, pp. 158-175.
51. Oikonomidès N. The Role of the Byzantine State in the Economy. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century: in 3 vols*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, vol. 3, pp. 973-1058.
52. Ostrogorsky G. Die Pronoia unter den Komnenen. *Zbornik radova vizantološkog instituta* [Proceedings of the Institute of Byzantine Studies]. Beograd, Vizantološki institut SANU, 1970, vol. XII, pp. 41-54.
53. Ostrogorsky G. Drei Praktika weltlicher Grundbesitzer aus der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts [Three Internships Secular Landowners From the First Half of the 14th Century]. *Zbornik radova vizantološkog instituta* [Proceedings of the Institute of Byzantine Studies]. Beograd, Vizantološki institut SANU, 1973, vol. XIV/XV, pp. 81-101.
54. Ostrogorsky G. *History of the Byzantine State*. New Brunswick; New Jersey, Rutgers University Press, 1969, vol. XL. 624 p.
55. Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 1971, vol. 25, pp. 1-32.
56. Ostrogorsky G. *Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie Byzantine* [Some Problems of History of the Byzantine Peasantry]. Bruxelles, Byzantion, 1956. 80 p.
57. Pachymérés G. *Relationes historiquae* [Historical Relations]. Paris, Les belles lettres, 1984, vol. I: Books I-III. 325 p.; vol. II: Books IV-VI, pp. 328-667; 1999, vol. III: Books VII-IX. 305 p.; vol. IV: Books X-XIII, pp. 306-727.
58. Trapp E., Beyer H.-V., Leontiadis I., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. Wien, Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1994, vol. 12. 6626 p.
59. Pseudo-Kodinos. *Traite des offices. Introduction* [Trafficking in Offices. Introduction]. Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. 420 p.
60. Smyrlis K. Financial Crisis and the Limits of Taxation Under Andronikos II Palaiologos (1282-1321). *Power and subversion in Byzantium: papers from 43rd Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 2010*. Farnham, Ashgate Publishing Ltd., 2013, pp. 71-82.
61. Smyrlis K. Review: Mark Bartusis. Land and Privilege in Byzantium. The Institution of Pronoia. *Speculum*, 2014, vol. 89/3, pp. 739-741.
62. Smyrlis K. Taxation Reform and the Pronoia System in Thirteenth-Century Byzantium. *Change in the Byzantine World in the Twelfth and the Thirteenth Centuries: First International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*. Istanbul, Vehbi Koç Vakfı, 2010, pp. 211-217.
63. Schmitt J., ed. *Tó Χρονικὸν τοῦ Μορέως* [The Chronicle of Morea]. London, Methuen & Co., 1904, vol. XCII. 640 p.
64. Heisenberg A., ed. Theodorus Scutariota. *Historia. Additamenta ad Georgii Acropolitae historiam. Georgii Acropolitae. Opera: in 2 vols. Vol. 1: Continens Historiam, Breviarium historiae, Theodori Scutariotae Additamenta*. Lipsiae, B.G. Teubneri, 1903, pp. 275-302.
65. Karagiannópoylos I. *Symbole sto problema tes stratiotikes «pronoias» kata tes epoche ton Palaiologon* [Contributing to the Problem of Stratioticle "Pronoia" During the Period of Paleologos]. Thessalonica, editions vania, 1998. 50 p.

**PRONOA IN THE MILITARY ORGANIZATION
OF THE BYZANTINE EMPIRE AT EARLY PALAEOLOGIAN PERIOD
*PART 1***

Vladimir Alekseevich Zolotovskiy

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Archaeology and Foreign History,
Volgograd State University
zolotovskiy.azi@volsu.ru, adsi@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the present study the author disclosed the role of pronoia in the military organization of the Byzantine Empire at early Palaeologian period. The concrete cases of the award allow recognizing the pronoia as the Byzantine military institution dealing exclusively with the military leadership.

The grant of pronoia was a replacement for traditional rewards of military commanders of noble birth. However, in some cases it was identified that compulsory military service was a function of power which was granted to the pronoiares in addition to the tax quota.

Holders of pronoia were not only the Roman military commanders but also the mercenaries. Such awards could reduce the costs of imperial treasury for direct payments.

In the case of pronoiares-Byzantines, depending on posotis, we can talk about the conferring upon pronoia the representatives of various levels of the military leadership. The pronoias granted as a reward or the compensation for losses incurred as a result of the performance of official engagements, could be transferred to the commanders of low levels which were recruited from among stratiotes (obviously, dekarhes).

Key words: history of Byzantium, early palaeologian period, military organization, armed forces, pronoia, strateia.